

Ровно в пять часов вечера 31 декабря в переполненное кафе на Солянке вошел бравый молодой полковник инженерных войск. Арсений заказал коньяк и стал ожидать ее, напряженно поглядывая то на командирские часы, то на вход, задрапированный лоснящимися от сальных рук велюровыми бордовыми шторами, иногда нервно закуривал, но через минуту тушил сигарету. Она не появлялась. Через полчаса он достал из портфеля картонную коробку и вынул из нее роскошный альбом-путеводитель по Palazzo Pitti во Флоренции. Это итальянское чудо полиграфии Арсений с большим трудом выменял у сослуживца по военной академии на английский спиннинг. Бережно раскрывая каждую страницу, он любовался репродукциями картин. «Как же она похожа на мадонн Рафаэля», — думал он, представляя, как она, его Мадон-

на, Мария, сейчас войдет, как обрадуется подарку. Он вспомнил их первую встречу.

В конце апреля Арсения с несколькими сослуживцами по военной академии как отличников боевой и политической подготовки, а главное, авторов изобретений в области военной инженерии, в порядке поощрения направили на учебу в дом отдыха под Звенигородом. Как это было заведено, после лекций в первый же вечер готовилась большая пьянка. Многие уже были навеселе... Арсений, человек тихий, семейный, серьезный, выпить мог (ну как же без этого служить), но не любил... Народу в их комнату набилось много: офицеры, преподаватели, а главное, девушки — московские патентоведы. Приятель, старший по званию, попросил его сходить в соседний номер за стаканами и стульями. Арсений подошел к двери напротив, посту-

чал, но в ответ ничего не услышал: вечеринка в их номере набирала обороты — шум, выкрики, грохот стульев. Арсений уже решил попытаться счастья в другом номере, как дверь распахнулась, и на пороге появилась девушка — не девушка, а воздушное видение: нечто стройное, высокое, в длинном одеянии, на голове что-то белое в виде короны, из-под которой темными волнами струились волосы. Огромные светло-карие глаза глядели на него с укором.

— Что вам надо? — спросила она тихим, будто измученным голосом.

— Я, извините, за стаканами и стульями, — ответил он машинально, но про себя подумал, осознал, понял... что теперь, когда он увидел ее, больше ничего не нужно — только смотреть в эти глаза, слушать ее голос.

Она царственным жестом тонкой руки дотронулась до

голова и сказала каким-то теплым домашним родным голосом:

— Извините, у меня очень болит голова, я выпила анальгин, но пока не помогает. Возьмите сами, что вам нужно.

Арсений не мог вымолвить ни слова. Она взглянула на него внимательно, заметила его замешательство и добавила почти шутливо:

— Вы не знаете, шуметь будут всю ночь? — и чуть улыбнулась ему.

Арсений не мог двинуться с места.

— Ну что же вы стоите столбом? — спросила она. — Вас, кажется, ждут! Забирайте и уходите, пожалуйста! Дверь закройте, шумят!

Она неожиданно встала на цыпочки, резко повернулась, как балерина, придерживая изящным жестом полы темно-красного фланелевого халата, гордо прошествовала к окну и замерла.

Тут только Арсений очнулся. Он послушно взял стул, стакан, подошел к двери... и вдруг, чего сам от себя не ожидал, закрыл дверь и сказал с вызовом:

— Я без вас никуда не уйду!

Она резко обернулась и пристально на него посмотрела.

— Меня зовут Арсений. У нас очень хорошая компания. Пойдемте к нам! Пожалуйста, очень прошу!

Она молчала, продолжая его пристально разглядывать.

— Пожалуйста, прошу вас очень! — услышал он свой голос, будто и не он это говорил.

— Кажется, голова прошла! Анальгин подействовал! — сказала она, снимая с головы полотенце и вороша волосы удивительно изящным жестом.

— Как вас зовут? — спросил Арсений.

— Мария, Маша или Мэри. Как вам больше нравится? — сказала она кокетливо, с улыбкой, и про-

тянула ему тонкую прохладную ладонь.

После церемонного рукопожатия она оглядела его с ног до макушки.

— Хорошо, Арсений, только мне надо переодеться: не иди же в таком виде! — сказала она, указывая пальчиком на свой халат и тапочки.

Арсений от счастья расплылся в улыбке.

— Арсений, какая у вас улыбка чудесная! Как у Гагарина! Подождите меня в коридоре!

Арсений открыл дверь, чтобы выйти, но тут она подошла к нему, прикрыла дверь и сказала:

— Извините, но прежде надо все-таки познакомиться чуть поближе, не правда ли? — Мария улыбнулась и развела руками.

Она стояла так близко, что Арсений чувствовал аромат ее духов, видел тоненькие голубые прожилки на будто фарфоровом лице, светлый пушок на щеках, родинку на тоненькой шее. Он любовался ей, как произведением искусства в музее, смотрел на нее с благоговением и готовностью сделать все, что она пожелает.

— Мне тридцать лет, я замужем, а вы? — спросила она нарочито серьезным тоном, а глаза при этом смеялись.

— Мне тоже тридцать лет, и я женат уже восемь лет, — ответил Арсений четко, как на экзамене.

Она опустила глаза на его руки и спросила глухо:

— А дети есть?

— Да. Двое мальчиков, семи и пяти лет, — отrapортвал он.

— Замечательно! — сказала она, будто выдохнула, всплеснув руками, и чуть ли не захлопала в ладоши, затем дотронулась до его плеча и нежно развернула его к выходу.

— Через пять минут буду готова! — сказала она, и дверь за ним захлопнулась.

Арсений стоял в коридоре у ее двери как на часах, осозная, что он уже другой человек — не тот, который несколько минут назад входил в эту дверь. Через пять минут она явилась перед ним, обворожительная и неотразимая, в стильных джинсах и пушистом бледно-бирюзовом свитере.

С тех пор они не расставались: встречались почти каждый день после работы хотя бы на час-два в городе или на квартирах друзей. Его карьера складывалась очень удачно: повысили в звании, он получил авторские свидетельства на десяток значимых для обороны страны изобретений. В семье все тоже было хорошо. Выходные он всегда проводил с детьми и женой: ходил в походы, ездил к родственникам. По счастливому совпадению, жену Арсения звали тоже Машей, поэтому в постели ему не надо было бояться оговориться, думая о ней — своей Мадонне, так он про себя ее называл. Почти семь месяцев Арсений несся на крыльях любви: его все любили, и семья, и Мадонна. А он? Кого он любил? Ответ: тоже всех — и детей, и жену, но угнетала мысль, что надо как-то определиться. Уйти? Нет! Он обожает сыновей. Невозможно нанести удар жене Маше, которую он обожал и вдруг... жестоко и несправедливо! Развод? Разрушит их жизнь и поставит крест на его карьере. Странно, но Марию-Мадонну такая же двойная жизнь будто совсем не тяготит. Никогда она не заговаривала о том, чтобы уйти к нему от мужа. «Арсений, мой муж Петр — это табу! Запомни!» — сказала она ему однажды строго и окатила чужим стальным взглядом, но тотчас, будто извиняясь, сделалась особенно ласковой и принялась расспрашивать его о сыновьях, попросила показать их фото. Мария

всегда после выходных просила его рассказывать про забавы детей и слушала с неподдельным интересом. Он чувствует, что она любит его мальчиков и наверняка могла бы стать им хорошей матерью. Мария иногда приносит ему очень красивые детские вещи и игрушки со словами: «Это Павлику и Ванечке! Скажешь жене, что купил в академии на распродаже для парткома».

Сейчас он сидит, ждет ее с подарком к Новому году, а ее все нет!

Мария в это время пыталась вырваться с работы. Сотрудники научно-исследовательского института, где Мария работала патентоведом в отделе информации, как и почти во всех конторах нашей необъятной родины — СССР — провожали Старый год за накрытыми праздничными столами с начальством во главе. Мария надеялась уйти пораньше, но безуспешно. Все шло как всегда: все, и главное, парторг, изрядно приняли на грудь фирменной настойки со вкусом марочного коньяка, но крепче, под названием «Аграфеновка», по имени кладовщицы Аграфены Ивановны, собственноручно ею изготавливаемой для всех праздников. Языки у всех развязались, и у мужчин обострился интерес к дамам, а те думали только о том, как бы поскорее добежать до дома, забрать детей из сада, купить продукты, приготовить праздничный ужин. Мария оказалась под пристальным вниманием «пылающих страстью к общению» пьяных глаз парторга. Под хор сослуживцев, исполнявших надрывно и самозабвенно «Ой, мороз, мороз!», Мария выскользнула из-за стола, быстро надела шубу, но когда поднималась по лестнице, ее остановил властный голос парторга: «Мария Сергеевна, вы куда это так рано собрались? Рабочий день еще не закончился!»

Маша понуро спустилась, оправдываясь, что собралась выйти подышать. (Отдел информации, как и другие отделы института, располагался в подвальном помещении жилого дома на Люсиновской улице.) Мария обреченно спустилась с лестницы, и когда она поравнялась с парторгом, тот вдруг бросился перед ней на колени, крепко обхватил за талию, зарыдал пьяными слезами и зашептал заплетающимся языком: «Маррия, обожаю, люблю-ю, пожале-ей меня-я!»

Мария подумала: «Что делать? В любой момент может появиться Антонина — начальница и любовница этого пьяного идиота!» (Жена и сын у него тоже имелись.) Тогда Мария брезгливо, но решительно погладила его по потной голове и сказала, что тоже его любит, но сначала надо выпить за любовь. Она с показной заботой помогла ему встать, привела к столу и усадила рядом с красной от вина и ревности Антониной.

Посидела Мария со всеми для виду, попела и вот наконец вырвалась на волю. Дошла до остановки, а троллейбус только уехал. Мороз усилился. Постояла Мария, кутаясь в модную голландскую искусственную шубку, постучала каблучками австрийских сапожек и решила: чем замерзать, лучше пойти пешком пять остановок до метро «Добрынинская». «Хоть согреюсь!» Она и устремилась по улице, где народ спешил по домам или в гости с сумками, с тортами и елками. «А куда и зачем я несусь? — спрашивала она себя. — Как куда? На встречу в кафе к Космонавту. (Имя Арсений ей не нравилось, и Мария про себя называла его Космонавт.) Зачем все это? Он не оправдал надежд! Опять ничего не получилось! Вот ведь как не везет! Жду, жду, готовлюсь, просчитываю благоприятные дни,

договариваюсь на эти дни с подружками насчет квартиры. Уже семь месяцев прошло, а толку — ноль. Хороший Космонавт, милый, и я его почти люблю. Как же это тяжело: врать, изворачиваться, и все напрасно!»

Мария вспомнила, как спустя год после того, как они с Петей поженились, он сказал:

— Если еще через год ты не родишь мне ребенка, то я от тебя уйду! — Эти страшные слова произнес ее любимый Петя.

С тех пор Мария усиленно начала бегать по врачам, с остервенением лечилась, глотала таблетки, делала операции, пока ей один врач не предложил отправить мужа на анализ. Петя оскорбился этим предложением, он тянул, тянул, но через три года сдал анализ, и выяснилось, что активности сперматозоидов маловато — процентов пятьдесят на пятьдесят. Петя очень расстроился, ходил как потерянный, несчастный, горем убитый. У Марии сердце разрывалось, глядя на него. Она уверяла и себя, и его, что такой результат анализа означает, что не все потеряно, есть надежда. Мария водила его по врачам, он безропотно пил таблетки, ходил на процедуры, но время шло, и ничего не помогало. Петр замкнулся и как-то потух, озлобился на весь свет, и особенно на Марию, как ей казалось. Он уже перестал радоваться успехам лаборатории теплотехники в Бауманском институте, где так блестяще защитил кандидатскую диссертацию, ведь и на докторскую степень материала хватало с лихвой, осталось только формально защититься.

Однажды, год назад, Мария добилась приема у известного специалиста по лечению бесплодия. На удивление, нестарый валяжный врач, после того как внимательно ознакомился с анализами, посмотрел на Марию пристально,

погладил щегольские гусарские усы и спросил:

— Чего вы хотите, Мария?

— Я хочу ребенка! — ответила она.

— Так в чем же дело, красавица, я готов! — воскликнул врач.

Она не успела опомниться, как он быстро завладел ее рукой, поднес к губам и стал целовать, нарочито причмокивая. Мария оттолкнула его и с пунцовым лицом, содрогаясь от стыда и негодования, выскочила из кабинета.

Пете она ничего не рассказала. Они вели тихую семейную жизнь почти счастливой пары, но она видела, что ее Петя несчастен. Да и ее жизнь, несмотря на весь оптимизм и самоотверженность, омрачало то, что подружки Марии, и замужние, и свободные, успели за это время нарожать детишек. Его и ее родители постоянно интересовались, когда же они им подарят внуков, хотя недостатка во внуках не было: у Пети было три замужние сестры, а у Марии — два женатых брата, и все с детьми. На работе у Марии и у Петра женщины постоянно уходили в декрет или были на сносях, гордо демонстрируя окружающим огромный живот. Но, кроме этой малости, все было хорошо.

Петя с остервенением ударился в работу, часто ездил в командировки и очень хорошо зарабатывал. Маша трудилась, читала книжки, наряжалась, училась языкам, занималась квартирой, они подумывали даже о своей даче под Звенигородом.

Маша старательно пыталась забыть гадкое предложение знаменитого врача, но иногда при виде красивого мужчины она ловила себя на мысли, что... нет — дальше она старалась не думать, говоря себе, что никто и мизинца ее Пети не стоит.

Однажды на работе начальник отдела вызвал Марию в кабинет,

долго поправлял галстук с золотыми рыбками, барабанил пальцами по столу, сморкался и наконец изрек:

— Мария Сергеевна, у тебя детей нет, поэтому кроме тебя мне некого послать. Для отчетности по повышению квалификации сотрудников отдела необходимо кого-нибудь послать. Жить будешь в доме отдыха! Я даже завидую! Конспектируй, отчитайся!

У Марии была с ним договоренность, что она в командировки не ездит: овощная база, срочная работа — пожалуйста, но никаких командировок. Мария не могла спать вне дома и с чужими людьми в одной комнате, ей претили бабские задушевные разговоры и командировочный флирт, пьянки. И вот начальник, в общем-то мягкий и добрый человек, нарушил слово.

Когда Мария приехала в дом отдыха и вошла в комнату, где ей предстояло провести неделю, она пришла в ужас: всё — четыре кровати, четыре стула, тумбочки, стол, пол — было засыпано шелухой от семечек, а на одной из кроватей стоял раскрытый чемодан. Никого. Мария оставила свою сумку с вещами и ушла обедать, потом долго гуляла в лесу, досадуя, что не хватило смелости отказаться от командировки. Когда она вернулась, в комнате уже кое-как прибрались. Три пышные дамы радостно приветствовали ее, перебивая одна другую:

— А вот и четвертая! Мы уже волновались: сумка стоит, а человека нет! Мы тебе место у окна оставили, ты же первая! Оля! Лена! Зина! Мы собираемся у мальчиков на втором этаже в двадцать втором, приходи!

Они ушли, оставив после себя амбре антистатика, знойных духов, дезодорантов и пота. Мария брезгливо, почти зажав нос, распахнула окно, но было уже

поздно: она надыхалась антистатика, и у нее нестерпимо заболела голова. Мария стянула джинсы и свитер, надела халат, приняла анальгин, повязала голову мокрым полотенцем и легла.

Через некоторое время в дверь постучали один раз, потом еще. «Придется встать и прогнать, а то не отвяжется», — подумала она, открыла дверь и увидела... Юрия Гагарина. Гагарин был ее кумиром с детства, она даже хранила газету «Пионерская правда» про первый полет человека в космос.

И вот он пришел! Гагарин стоит перед ней. А когда Мария узнала, что он женат и у него есть дети, то счастью ее не было предела, молнией пронзила догадка: «Вот кто достоин стать отцом моего ребенка!»

...Тут Мария чуть не упала с эскалатора: в метро ее кто-то сильно задел плечом. «Вот дура, задумалась! Внимательной надо быть», — сказала она себе. — Размечталась о ребенке. — Облом! Полковник Арсений Витальевич Крылов не оправдал, Маша, твоих надежд! Так живу надеждой — просыпаюсь с мыслью, что сегодня будет уже седьмой день задержки, но встаю и вижу... кровь. Понимаю, что все ухищрения были тщетны! Посмотрю на спящего Петю, мысленно скажу ему: «Прости, напрасно я тебе изменяю с Космонавтом, надо прекращать этот блуд». Стыдно!» А мысли крутятся все быстрее, что Петя наверняка мог что-то почувствовать, но странно, он ведет себя так, будто ничего не замечает. «Может, он меня разлюбил? Нет, нельзя позволять себе даже думать об этом. Сейчас встречусь с Космонавтом, отдам подарок — и разбежимся каждый по своим семьям и навсегда! Пора кончать!»

Маша подошла к кафе. Остановилась на минуту, посмотрела на фиолетовое, в черных тучах

небо, подсвеченное желтыми шарами фонарей, улыбнулась разноцветным лампочкам над входом, несколько раз глубоко вдохнула московский морозный воздух и хотела было открыть дверь. Тут ее начали одолевать сомнения: раз она все решила, может, развернуться и уйти? Но, вспомнив чудесную улыбку своего Космонавта, его влюбленные глаза, не решилась. Нельзя с ним так резко накануне Нового года. Лучше после выходных: когда он позвонит на работу или домой, она ему скажет, что пока нельзя им видаться.

Маша усилием воли и воображения зажгла фонарики радости и уверенности в своих глазах и смело открыла дверь кафе.

— Пришла! — сказал, как выдохнул, Арсений и окинул ее долгим счастливым взглядом.

— Привет, извини, из отдела еле выбралась! Наши все празднуют, — заговорила Мария, усаживаясь напротив. — Ты сегодня в форме! Приказали? Это по случаю Нового года? А у вас как, в Академии, господи-офицеры сухие домой ушли?

Арсений взглянул на нее с удивлением и с легким неодобрением. Мария заметила это, осеклась и сказала:

— Ой, что это я несу, прости! День такой нервный.

Арсений погладил ей руку и сказал:

— Успокойся, все хорошо! Я тебя заждался. Мы вместе, это главное. Посмотри, что я тебе принес!

— Ой, какая прелесть, спасибо! У меня тоже подарок. — Мария достала из сумочки блок сигарет Marlboro, затем серьезно взглянула на него и, медленно растягивая слова, сказала:

— Дарю тебе дым, дым, дым! Кури эти сигареты и знай: когда ты выкуришь последнюю, ты меня забудешь навсегда!

От этих слов Арсений помрачнел, но тут она рассмеялась и, захлопав в ладоши, сказала:

— Шутка это — кергуду!

Подошел замотанный немолодой официант с вопросом:

— Дама, что заказывать будете?

— Апельсиновый сок и вермут, пожалуйста, — ответила Мария.

— Вам еще коньяка? — обратился официант к Арсению.

— Да, — ответила за него Мария, — и мне коньяка. — Она подумала, что ей теперь все равно, раз она не беременна.

— Может, лучше шампанского? — спросил Арсений.

— Нет, несите два коньяка, вермут и сок, — уверенно сказала Мария.

Официант ушел.

— Шампанское будешь пить сегодня дома с женой, а когда куранты пробьют семь ударов, подумай обо мне. Всегда, всю оставшуюся жизнь на седьмом ударе вспоминай меня! — с пафосом сказала Мария.

— Я всегда о тебе думаю! Ну ты и затейница, всегда что-нибудь придумает! — улыбнулся Арсений.

— Дай коньяка, пока еще мне принесут, — сказала Мария и сделала глоток из рюмки Арсения.

— Ты сегодня на себя не похожа. Что случилось? — встревоженно спросил Арсений.

— Что со мной может случиться? Я самая красивая, самая умная, самая любимая, самая счастливая! Все беды меня боятся и обходят стороной! — сказала она с вызовом и отвернулась.

Арсений ощутил такое острое чувство жалости, что почувствовал, как к глазам подступили слезы. Жалость к ней, к себе, к сыновьям, к жене и даже к ее мужу. Арсений встал, погладил свою Мадонну по головке... и вдруг произнес слова, которых сам от себя не ожидал:

— Выходи за меня замуж. Мы оба должны развестись... и быть вместе! К черту карьеру!

Мария отшатнулась от этих слов как от пощечины, лицо ее покраснело, побелело, она вскочила с места и выпалила:

— Опомнись, что ты говоришь! Никогда! Запомни, никогда!

Арсений побагровел и опустил голову. Мария схватила сумочку, шубку и опрометью бросилась к выходу.

Арсений сидел раздавленный. Он увидел только что вместо Мадонны фурию! Что делать? Бежать за ней, догнать? Зачем? Он встал.

Тут появился официант с подносом со словами: «Несу, несу!» и ловко примостил бокал с какой-то красной жидкостью рядом с альбомом Palazzo Pitti, затем попытался устроить на столе дымящуюся тарелку: «Уберите книгу, пожалуйста, как бы не испачкать!»

— Что это? — в недоумении спросил Арсений.

— Как и заказывали: пельмени и коктейль «Кровавая Мэри», — ответил официант.

— Я это не заказывал, — сказал Арсений. — Он неловко махнул рукой и задел бокал с коктейлем.

Бокал перевернулся, и Арсений увидел, как красная жидкость медленно растекалась по глянцевому лику Мадонны Рафаэля.

Официант не растерялся, взял полотенце и ловко промокнул страницу, приговаривая:

— Вот видите, все сухо, теперь картина как новая!

На Арсения напал столбняк. Он почувствовал себя оставленным, жалким, униженным, несчастным, опустошенным.

Подошел второй официант с апельсиновым соком, вермутом, коньяком и коктейлем «Кровавая Мэри». Он аккуратно все выставил на стол и удалился.

Арсений медленно убрал в портфель альбом и блок сигарет

Marlboro. Затем так же медленно опустошил четыре бокала, заел пельменями, а напоследок залпом опрокинул в рот коктейль «Кровавая Мэри»: сверху водка, а внизу густой томатный сок со специями. Его передернуло. Арсений

встал и вдруг почувствовал резкую боль в груди слева, будто вся его кровь хлынула в сердце под таким давлением, что оно сейчас разорвется на мелкие кусочки. В глазах у него потемнело. Пол ушел из-под ног, и, падая, он услышал:

«Полковнику плохо! Скорую надо вызывать!»

В памяти мелькнула Рафаэлева Мадонна, потом Маша, все смешалось. Гагарин полетел в космос, светлая улыбка его озарила землю. Таким его и запомнили...

г. Москва